

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ

Глава I

В ЧУЖОЙ ГОРОД, К ЧУЖИМ ЛЮДЯМ

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! — стучат колёса, и поезд быстро мчится всё вперёд и вперёд.

Мне слышатся в этом однообразном шуме одни и те же слова, повторяемые десятки, сотни, тысячи раз. Я чутко прислушиваюсь, и мне кажется, что колёса выстукивают одно и то же, без счёта, без конца: вот так-так! вот так-так! вот так-так!

Колёса стучат, а поезд мчится и мчится без оглядки, как вихрь, как стрела...

В окне навстречу нам бегут кусты, деревья, станционные домики и телеграфные столбы, наставленные по откосу полотна железной дороги...

Или это поезд наш бежит, а они спокойно стоят на одном месте? Не знаю, не понимаю.

Впрочем, я многого не понимаю, что случилось со мною за эти последние дни.

Господи, как всё странно делается на свете! Могла ли я думать несколько недель тому назад, что мне придётся покинуть наш маленький, уютный домик на берегу Волги и ехать

одной-одинёшеньке за тысячи вёрст к каким-то дальним, совершенно неизвестным родственникам?.. Да, мне всё ещё кажется, что это только сон, но — увы! — это не сон!..

— Петербург! — раздался за моей спиной голос кондуктора, и я увидела перед собою его доброе широкое лицо и густую рыжеватую бороду.

Этого кондуктора звали Никифором Матвеевичем. Он всю дорогу заботился обо мне, поил меня чаем, постлал мне постель на лавке и, как только у него было время, всячески развлекал меня. У него, оказывается, была моих лет дочурка, которую звали Нюрой и которая с матерью и братом Серёжей жила в Петербурге. Он мне и адрес даже свой в карман сунул — «на всякий случай», если бы я захотела навестить его и познакомиться с Нюрочкой.

— Очень уж я вас жалею, барышня, — говорил мне не раз во время моего недолгого пути Никифор Матвеевич, — потому сиротка вы, а бог сироток велит любить. И опять, одна вы, как есть одна на свете; петербургского дяденьки своего не знаете, семьи его также... Нелегко ведь... А только, если уж очень невмоготу станет, вы к нам приходите. Меня дома редко застанете, потому в разъездах я всё больше, а жена с Нюркой вам рады будут. Они у меня добрые...

Я поблагодарила ласкового кондуктора и обещала ему побывать у него...

— Петербург! — ещё раз выкрикнул за моей спиной знакомый голос и, обращаясь ко мне, добавил: — Вот и приехали, барышня. Дозвольте,

я вещички ваши соберу, а то после поздно будет. Ишь суетня какая!

И правда, в вагоне поднялась страшная суматоха. Пассажиры и пассажирки суетились и толкались, укладывая и увязывая вещи. Какая-то старушка, ехавшая напротив меня всю дорогу, потеряла кошелёк с деньгами и кричала, что её обокрали. Чей-то ребёнок плакал в углу. У двери стоял шарманщик и наигрывал тоскливую песенку на своём разбитом инструменте.

Я выглянула в окно. Господи! Сколько труб я увидела! Трубы, трубы и трубы! Целый лес труб! Из каждой вился серый дымок и, поднимаясь вверх, расплывался в небе. Моросил мелкий осенний дождик, и вся природа, казалось, хмурилась, плакала и жаловалась на что-то.

Поезд пошёл медленнее. Колёса уже не выкрикивали своё неугомонное «вот так-так!». Они стучали теперь значительно протяжнее и тоже точно жаловались на то, что машина насильно задерживает их бойкий, весёлый ход.

И вот поезд остановился.

— Пожалуйте, приехали, — произнёс Никифор Матвеевич.

И, взяв в одну руку мой тёплый платок, подушку и чемоданчик, а другою крепко сжав мою руку, повёл меня из вагона, с трудом протискиваясь через толпу.

МОЯ МАМОЧКА

Была у меня мамочка, ласковая, добрая, милая. Жили мы с мамочкой в маленьком домике на берегу Волги. Домик был такой чистый и светленький, а из окон нашей квартиры видно было и широкую, красивую Волгу, и огромные двухэтажные пароходы, и барки, и пристань на берегу, и толпы гуляющих, выходявших в определённые часы на эту пристань встречать приходящие пароходы... И мы с мамочкой ходили туда, только редко, очень редко: мамочка давала уроки в нашем городе, и ей нельзя было гулять со мною так часто, как бы мне хотелось. Мамочка говорила:

— Подожди, Ленуша, накоплю денег и прокачу тебя по Волге от нашего Рыбинска вплоть до самой Астрахани! Вот тогда-то нагуляемся вдоволь.

Я радовалась и ждала весны.

К весне мамочка прикопила немного денег, и мы решили с первыми же тёплыми днями исполнить нашу затею.

— Вот как только Волга очистится от льда, мы с тобой и покатым! — говорила мамочка, ласково поглаживая меня по голове.

Но когда лёд тронулся, она простудилась и стала кашлять.

Лёд прошёл, Волга очистилась, а мамочка всё кашляла и кашляла без конца. Она стала как-то разом худенькая и прозрачная, как воск,

и всё сидела у окна, смотрела на Волгу и твердила:

— Вот пройдёт кашель, поправлюсь немного, и покатаем мы с тобою до Астрахани, Ленуша!

Но кашель и простуда не проходили; лето было сырое и холодное в этом году, и мамочка с каждым днём становилась всё худее, бледнее и прозрачнее.

Наступила осень. Подошёл сентябрь. Над Волгой потянулись длинные вереницы журавлей, улетающих в тёплые страны. Мамочка уже не сидела больше у окна в гостиной, а лежала на кровати и всё время дрожала от холода, в то время как сама была горячая, как огонь.

Раз она подозвала меня к себе и сказала:

— Слушай, Ленуша. Твоя мама скоро от тебя навсегда... Но ты не горюй, милушка. Я всегда буду смотреть на тебя с неба и буду радоваться на добрые поступки моей девочки, а...

Я не дала ей договорить и горько заплакала. И мамочка заплакала тоже, а глаза у неё стали грустные-грустные, такие же точно, как у того ангела, которого я видела на большом образе в нашей церкви.

Успокоившись немного, мамочка снова заговорила:

— Я чувствую, господь скоро возьмёт меня к себе, и да будет его святая воля! Будь умницей без мамы, молись богу и помни меня... Ты поедешь жить к твоему дяде, моему родному брату, который живёт в Петербурге... Я писала ему о тебе и просила приютить сиротку...

Что-то больно-больно при слове «сиротка» сдавило мне горло...

Я зарыдала, заплакала и забилась у маминной постели. Пришла Марьюшка (кухарка, жившая у нас целых десять лет, с самого года моего рождения, и любившая мамочку и меня без памяти) и увела меня к себе, говоря, что «мамаше нужен покой».

Вся в слезах уснула я в эту ночь на Марьюшкиной постели, а утром... Ах, что было утром!..

Я проснулась очень рано, кажется, часов в шесть, и хотела прямо побежать к мамочке.

В эту минуту вошла Марьюшка и сказала:

— Молись богу, Леночка: боженька взял твою мамашу к себе. Умерла твоя мамочка.

— Умерла мамочка! — как эхо повторила я.

И вдруг мне стало так холодно, холодно! Потом в голове у меня зашумело, и вся комната, и Марьюшка, и потолок, и стол, и стулья — всё перевернулось и закружилось в моих глазах, и я уже не помню, что случилось со мною вслед за этим. Кажется, я упала на пол без чувств...

* * *

Очнулась я тогда, когда уже мамочка лежала в большом белом ящике, в белом платье, с белым веночком на голове.

Старенький седенький священник читал молитвы, певчие пели, а Марьюшка молилась у порога спальни. Приходили какие-то старушки и тоже молились, потом глядели на меня с сожалением, качали головами и шамкали что-то беззубыми ртами...

— Сиротка! Круглая сиротка! — тоже покачивая головой и глядя на меня жалостливо, говорила Марьюшка и плакала. Плакали и старушки...

На третий день Марьюшка подвела меня к белому ящику, в котором лежала мамочка, и велела поцеловать мне мамочкину руку. Потом священник благословил мамочку, певчие запели что-то очень печальное; подошли какие-то мужчины, закрыли белый ящик и понесли его вон из нашего домика...

Я громко заплакала. Но тут подоспели знакомые мне уже старушки, говоря, что мамочку несут хоронить и что плакать не надо, а надо молиться.

Белый ящик принесли в церковь, мы отстояли обедню, а потом снова подошли какие-то люди, подняли ящик и понесли его на кладбище. Там уже была вырыта глубокая чёрная яма, куда и опустили мамочкин гроб. Потом яму забросали землёю, поставили над нею белый крестик, и Марьюшка повела меня домой.

По дороге она говорила мне, что вечером повезёт меня на вокзал, посадит в поезд и отправит в Петербург к дяде.

— Я не хочу к дяде, — проговорила я угрюмо, — не знаю никакого дяди и боюсь ехать к нему!

Но Марьюшка сказала, что стыдно так говорить большой девочке, что мамочка слышит это и что ей больно от моих слов.

Тогда я притихла и стала припоминать лицо дяди.

Я никогда не видела моего петербургского дяди, но в мамочкином альбоме был его портрет. Он был изображён на нём в золотом шитом мундире, со множеством орденов и со звездой на груди. У него был очень важный вид, и я его невольно боялась.

После обеда, к которому я едва притронулась, Марьюшка уложила в старый чемодан все мои платья и бельё, напоила меня чаем и повезла на вокзал.

Глава III

КЛЕТЧАТАЯ ДАМА

Когда подъехал поезд, Марьюшка отыскала знакомого кондуктора и просила его довезти меня до Петербурга и смотреть за мною дорогою. Затем она дала мне бумажку, на которой записано было, где живёт в Петербурге мой дядя, перекрестила меня и, сказав: «Ну, будь умницей!» — простилась со мною...

Всю дорогу я провела точно во сне. Напрасно сидевшие в вагоне старались развлечь меня, напрасно добрый Никифор Матвеевич обращал моё внимание на попадавшиеся нам по дороге разные деревни, строения, стада... Я ничего не видела, ничего не замечала...

Так доехала я до Петербурга...

Выйдя с моим спутником из вагона, я была сразу оглушена шумом, криками и сутолокой, царившими на вокзале. Люди бежали куда-то, сталкивались друг с другом и снова бежали

с озабоченным видом, с руками, занятыми узлами, свёртками и пакетами.

У меня даже голова закружилась от всего этого шума, грохота, крика. Я не привыкла к нему. В нашем приволжском городе не было так шумно.

— А кто же вас встречать будет, барышня? — вывел меня из задумчивости голос моего спутника.

Я невольно смутилась его вопросом.

Кто меня будет встречать? Не знаю!

Провожая меня, Марьюшка успела сообщить мне, что ею послана телеграмма в Петербург дяде, извещающая его о дне и часе моего приезда, но выедет ли он меня встретить или нет — этого я положительно не знала.

И потом, если дядя даже и будет на вокзале, как я узнаю его? Ведь я его только и видела на портрете в мамочкином альбоме!

Размышляя таким образом, я в сопровождении моего покровителя Никифора Матвеевича бегала по вокзалу, внимательно вглядываясь в лица тех господ, которые имели хотя самое отдалённое сходство с дядиным портретом. Но положительно никого похожего не оказывалось на вокзале.

Я уже порядочно-таки устала, но всё ещё не теряла надежды увидеть дядю.

Крепко схватившись за руки, мы с Никифором Матвеевичем метались по платформе, поминутно натыкаясь на встречную публику, расталкивая толпу и останавливаясь перед каждым мало-мальски важного вида господином.

— Вот, вот ещё один похожий, кажется, на дядю! — вскричала я с новой надеждой, увлекая моего спутника вслед за высоким седым господином в чёрной шляпе и широком модном пальто.

Мы прибавили шагу и теперь чуть не бегом бежали за высоким господином.

Но в ту минуту, когда мы уже почти настигли его, высокий господин повернул к дверям зала первого класса и исчез из виду. Я бросилась за ним следом, Никифор Матвеевич за мною...

Но тут случилось нечто неожиданное: я нечаянно запнулась за ногу проходившей мимо дамы в клетчатом платье, в клетчатой накидке и с клетчатым же бантом на шляпе. Дама взвизгнула не своим голосом и, выронив из рук огромный клетчатый зонтик, растянулась во всю свою длину на дощатом полу платформы.

Я бросилась к ней с извинениями, как и подобает хорошо воспитанной девочке, но она даже не удостоила меня хотя бы единым взглядом.

— Невежи! Олухи! Неучи! — кричала на весь вокзал клетчатая дама. — Несутся как угорелые и сбивают с ног порядочную публику! Невежи, неучи! Вот я пожалуюсь на вас начальнику станции! Директору дороги! Градоначальнику! Помогите хоть подняться-то, невежи!

И она барахталась, делая усилия встать, но ей это никак не удавалось.

Никифор Матвеевич и я подняли наконец клетчатую даму, подали ей отброшенный во время её падения огромный зонтик и стали расправлять, не ушиблась ли она.

— Ушиблась, понятно! — всё тем же сердитым голосом кричала дама. — Понятно, ушиблась. Что за вопрос! Тут насмерть убить, не только ушибить можно. А всё ты! Всё ты! — внезапно накинулась она на меня. — Скачешь, как дикая лошадь, противная девчонка! Вот подожди у меня, городовому скажу, в полицию отправлю! — И она сердито застучала зонтиком по доскам платформы. — Полицейский! Где полицейский? Позовите мне его! — снова завопила она.

Я обомлела. Страх охватил меня. Не знаю, что бы случилось со мною, если бы Никифор Матвеевич не вмешался в это дело и не заступился за меня.

— Полноте, сударыня, не пугайте ребёнка! Видите, девочка сама не своя от страха, — проговорил своим добрым голосом мой защитник, — и то сказать — не виновата она. Сама в расстройстве. Наскочила нечаянно, уронила вас, потому что за дядей спешила. Показалось ей, что дядя идёт. Сиротка она. Вчера в Рыбинске мне её передали с рук на руки, чтобы к дяденьке доставить в Петербург. Генерал у неё дяденька... Генерал Иконин... Фамилии этой не слыхали ли?

Едва только мой новый друг и защитник успел произнести последние слова, как с клетчатой дамой произошло что-то необычайное. Голова её с клетчатым бантом, туловище в клетчатой накидке, длинный крючковатый нос, рыжеватые кудерки на висках и большой рот с тонкими синеватыми губами — всё это запрыгало, заметалось и заплясало какой-то странный танец,

а из-за тонких губ стали вырываться хриплые, шипящие и свистящие звуки. Клетчатая дама хохотала, отчаянно хохотала во весь голос, выронив свой огромный зонтик и схватившись за бока, точно у неё сделались колики.

— Ха-ха-ха! — выкрикивала она. — Вот что ещё выдумали! Сам дяденька! Сам, видите ли, генерал Иконин, его превосходительство, должен явиться на вокзал встретить эту принцессу! Знатная барышня какая, скажите на милость! Ха-ха-ха! Нечего сказать, разодолжила! Ну, не прогневиесь, матушка, на этот раз дядя не выехал к тебе навстречу, а послал меня. Не думал он, что ты за птица... Ха-ха-ха!!!

Не знаю, долго ли ещё смеялась бы клетчатая дама, если бы, снова придя мне на помощь, Никифор Матвеевич не остановил её.

— Полно, сударыня, над дитятей неразумным потешаться, — произнёс он строго. — Грех! Сиротка барышня-то... круглая сирота. А сирот бог...

— Не ваше дело. Молчать! — неожиданно вскричала, прервав его, клетчатая дама, и смех её разом пресёкся. — Несите за мною барышнины вещи, — добавила она несколько мягче и, обернувшись ко мне, бросила вскользь: — Идём. Нет у меня времени лишнего возиться с тобою. Ну, поворачивайся! Живо! Марш!

И, грубо схватив меня за руку, она потащила меня к выходу.

Я едва-едва попевала за ней.

У крыльца вокзала стояла хорошенькая щегольская пролётка, запряжённая красивою

вороной лошастью. Седой, важного вида кучер восседал на козлах.

— Степан, подавай! — крикнула во весь голос клетчатая дама.

Кучер дёрнул вожжами, и нарядная пролётка подъехала вплотную к самым ступеням вокзального подъезда.

Никифор Матвеевич поставил на дно её мой чемоданчик, потом помог взобраться в экипаж клетчатой даме, которая заняла при этом всё сиденье, оставив для меня ровно столько места, сколько потребовалось бы, чтобы поместить на нём куклу, а не живую девятилетнюю девочку.

— Ну, прощайте, милая барышня, — ласково зашептал мне Никифор Матвеевич, — дай вам счастливо устроиться у дяденьки. А ежели что — к нам милости просим. Адресок у вас есть. На самой окраине мы живём, на шоссе у Митрофаниевского кладбища, за заставой... Запомните? А уж Нюрка рада-то будет! Она сироток любит. Добрая она у меня.

Ещё долго бы говорил со мною мой приятель, если бы голос клетчатой дамы не прозвучал с высоты сиденья:

— Ну, долго ли ты ещё заставишь ждать себя, несносная девчонка! Что у тебя за разговоры с мужиком! Сейчас же на место, слышишь!

Я вздрогнула, как под ударом хлыста, от этого едва знакомого мне, но успевшего стать уже неприятным голоса и поспешила занять своё место, наскоро пожав руку и поблагодарив моего недавнего покровителя.

Кучер дёрнул вожжами, лошадь снялась с места, и, мягко подпрыгивая и обдавая прохожих комками грязи и брызгами из луж, пролётка быстро понеслась по шумным городским улицам.

Крепко ухватившись за край экипажа, чтобы не вылететь на мостовую, я с удивлением смотрела на большие пятиэтажные здания, на нарядные магазины, на конки и омнибусы, с оглушительным звоном катившие по улице, и невольно сердце моё сжималось от страха при мысли о том, что ждёт меня в этом большом, чужом мне городе, в чужой семье, у чужих людей, про которых я так мало слышала и знала.

Глава IV

СЕМЕЙСТВО ИКОНИНЫХ. — ПЕРВЫЕ НЕВЗГОДЫ

— **М**атильда Францевна привезла девочку!
— Твою кузину, а не просто девочку...

— И твою тоже!

— Врёшь! Я не хочу никакой кузины! Она нищая.

— И я не хочу!

— И я! И я!

— Звонят! Ты оглох, Фёдор!

— Привезла! Привезла! Ура!

Всё это я слышала, стоя перед обитой тёмно-зелёной клеёнкой дверью. На прибитой к двери медной дощечке было выведено крупными, красивыми буквами:

*Действительный статский советник
Михаил Васильевич Ужонин*

За дверью послышались торопливые шаги, и лакей в чёрном фраке и белом галстуке, такой, какого я видела только на картинках, широко распахнул дверь.

Едва только я перешагнула порог её, как кто-то быстро схватил меня за руку, кто-то тронул за плечи, кто-то закрыл мне рукою глаза, в то время как уши мои наполнились шумом, звоном и хохотом, от которого у меня разом закружилась голова.

Когда я очнулась немного и глаза мои снова могли смотреть, я увидела, что стою посреди роскошно убранной гостиной с пушистыми коврами на полу, с нарядной позолоченной мебелью, с огромными зеркалами от потолка до пола. Такой роскоши мне никогда ещё не доводилось видеть, и потому немудрено, если всё это показалось мне сном.

Вокруг меня толпились трое детей: одна девочка и два мальчика. Девочка была ровесница мне. Белокурая, нежная, с длинными вьющимися локонами, перевязанными розовыми бантиками у висков, с капризно вздёрнутой верхней губой, она казалась хорошенькой фарфоровой куколкой. На ней было надето очень нарядное белое платье с кружевным воланом и розовым же кушаком. Один из мальчиков, тот, который был значительно старше, одетый в форменный гимназический мундирчик, очень походил на сестру; другой, маленький, кудрявый, казался

не старше шести лет. Худенькое, живое, но бледное его личико казалось болезненным на вид, но пара карих и быстрых глазёнок так и впились в меня с самым живым любопытством.

Это были дети моего дяди — Жоржик, Нина и Толя, — о которых мне не раз рассказывала покойная мамочка.

Дети молча смотрели на меня. Я — на детей.

Минут пять длилось молчание.

И вдруг младший мальчуган, которому наскучило, должно быть, стоять так, неожиданно поднял руку и, ткнув в меня указательным пальцем, произнёс:

— Вот так фигура!

— Фигура! Фигура! — вторила ему белокурая девочка. — И правда: фи-гу-ра! Только верно сказал!

И она запрыгала на одном месте, хлопая в ладоши.

— Очень остроумно, — произнёс в нос гимназист, — есть чему смеяться. Просто она мокрица какая-то!

— Как мокрица? Отчего мокрица? — так и всколыхнулись младшие дети.

— Да вон, разве не видите, как она пол намочила. В калошах ввалилась в гостиную. Остроумно! Нечего сказать! Вон наследила как! Лужа. Мокрица и есть.

— А что это такое — мокрица? — поллюбопытствовал Толя, с явным почтением глядя на старшего брата.

— Мм... мм... мм... — смешался гимназист, — мм... это цветок такой: когда к нему

прикоснёшься пальцем, он сейчас и закроется...
Вот...

— Нет, вы ошибаетесь, — вырвалось у меня против воли. (Мне покойная мама читала и про растения, и про животных, и я очень много знала для своих лет.) — Цветок, который закрывает свои лепестки при прикосновении, — это мимоза, а мокрица — это водяное животное вроде улитки.

— Ммм... — мычал гимназист, — не всё ли равно, цветок или животное. У нас ещё этого не проходили в классе. А вы чего с носом суётесь, когда вас не спрашивают? Ишь, какая умница выискалась!.. — внезапно накинулся он на меня.

— Ужасная выскочка! — вторила ему девочка и прищурила свои голубые глазки. — Вы лучше бы за собой следили, чем Жоржа поправлять, — капризно протянула она. — Жорж умнее вас, а вы вот в калошах в гостиную влезли. Очень красиво!

— Остроумно! — снова процедил гимназист.

— А ты всё-таки мокрица! — пропищал его братишка и захихикал. — Мокрица и нищая!

Я вспыхнула. Никто ещё не называл меня так. Прозвище нищей обидело меня больше всего остального. Я видела нищих у паперти церквей и не раз сама подавала им деньги по приказанию мамочки. Они просили «ради Христа» и протягивали за милостыней руку. Я руки за милостыней не протягивала и ничего ни у кого не просила. Значит, он не смеет называть меня так. Гнев, горечь, озлобление — всё это разом закипело во мне, и, не помня себя, я схватила моего обидчика за плечи и стала трясти его изо всей силы, задыхаясь от волнения и гнева.

— Не смей говорить так. Я не нищая! Не смей называть меня нищей! Не смей! Не смей!

— Нет, нищая! Нет, нищая! Ты у нас из милости жить будешь. Твоя мама умерла и денег тебе не оставила. И обе вы нищие, да! — как заученный урок повторял мальчик. И, не зная, ещё чем досадить мне, он высунул язык и стал делать перед моим лицом самые невозможные гримасы. Его брат и сестра хохотали от души, потешаясь этой сценой.

Никогда не была я злючкой, но, когда Толя обидел мою мамочку, я вынести этого не могла. Страшный порыв злобы охватил меня, и с громким криком, не задумываясь и сама не помня, что делаю, я изо всей силы толкнула моего двоюродного брата.

Он сильно пошатнулся сначала в одну сторону, потом в другую и, чтобы удержать равновесие, схватился за стол, на котором стояла ваза. Она была очень красивая, вся расписанная цветами, аистами и какими-то смешными черноволосыми девочками в цветных длинных халатах, в высоких причёсках и с раскрытыми веерами у груди.

Стол закачался не меньше Толи. С ним закачалась и ваза с цветами и чёрненькими девочками. Потом ваза скользнула на пол... Раздался оглушительный треск.

Трах!

И чёрненькие девочки, и цветы, и аисты — всё смешалось и исчезло в одной общей груде черепков и осколков.

РАЗБИТАЯ ВАЗА. — ТЁТЯ НЕЛЛИ И ДЯДЯ МИШЕЛЬ

Минуту длилось гробовое молчание. На лицах детей был написан ужас. Даже Толя присмирел и вращал во все стороны испуганными глазами.

Жорж первый нарушил молчание.

— Остроумно! — протянул он в нос.

Ниночка покачала своей красивой головкой, глядя на груду черепков, и произнесла значительно:

— Любимая мамина японская ваза.

— Ну так что же! — прикрикнул на неё старший брат. — А кто виноват?

— Не я только! — выпалил Толя.

— И не я! — поспешила не отстать от него Ниночка.

— Так я, по-вашему, что ли? Остроумно! — обиделся гимназист.

— Не ты, а Мокрица! — выкрикнула Ниночка.

— Конечно, Мокрица! — подтвердил и Толя.

— Мокрица и есть. Надо пожаловаться мамзельке. Зовите сюда вашу Баварию Ивановну — то бишь Матильду Францевну. Ну, чего рты разинули! — командовал Жорж младшим детям. — Не понимаю только, чего она смотрит за вами!

И, пожав плечами, он с видом взрослого человека заходил по зале.

Ниночка и Толя скрылись в одну минуту и тотчас же снова появились в гостиной, таща за собою Матильду Францевну, ту самую клетчатую даму, которая встретила меня на вокзале.

— Что за шум? Что за шкандаль? — спрашивала она, глядя на всех нас строгими вопрошающими глазами.

Тогда дети, окружив её, стали рассказывать хором, как всё случилось. Если б я не была так убита горем в эту минуту, то невольно удивилась бы тому избытку лжи, которая сквозила в каждой фразе маленьких Икониных.

Но я ничего не слышала и не хотела слышать. Я стояла у окна, смотрела на небо, на серое петербургское небо и думала: «Там, наверху, моя мамочка. Она смотрит на меня и видит всё. Вероятно, она недовольна мною. Вероятно, ей тяжело видеть, как нехорошо поступила сейчас её Леночка... Мамочка, милая, — шептало моё сильно бьющееся сердце, — разве я виновата, что они такие злые, такие нехорошие задиры?»

— Ты глухая или нет! — внезапно раздался за мною резкий окрик, и цепкие пальцы клетчатой дамы впились мне в плечо. — Ты ведёшь себя как настоящая разбойница. Уже на вокзале подставила мне ножку...

— Неправда! — вне себя прервала я резко. — Неправда! Я не делала этого! Я нечаянно толкнула вас!

— Молчать! — взвизгнула она так, что стоявший неподалёку от неё Жорж зажал себе уши. — Мало того что ты груба и резка, ты ещё лгунья и драчунья! Нечего сказать, сокровище

приобрели мы себе в дом! — И, говоря это, она дёргала меня за плечи, за руки и за платье, в то время как глаза её так и сверкали злобой. — Ты будешь наказана, — шипела Матильда Францевна, — ты будешь строго наказана! Отправляйся снимать бурнус и калоши! Давно пора.

Внезапный звонок заставил её умолкнуть. Дети разом оправились и подтянулись, услышав этот звонок. Жорж одёрнул мундирчик, Толя поправил волосы. Одна только Ниночка не обнаружила никакого волнения и, подпрыгивая на одной ножке, побежала в прихожую посмотреть, кто звонил.

Через гостиную пробежал лакей, неслышно скользя по коврам мягкими подошвами, тот самый лакей, который открывал нам двери.

Тотчас же из передней донёсся весёлый голос Ниночки:

— Мама! Папочка! Как вы поздно!

Послышался звук поцелуя, и через минуту в гостиную вошли очень нарядно одетая в светло-серое платье дама и полный, очень добродушного вида господин с таким же точно, но только менее важным лицом, какое было на дядином портрете.

Красивая, нарядная дама была как две капли воды похожа на Ниночку, или, вернее, Ниночка была вылитая мать. То же холодно-надменное личико, та же капризно вздёрнутая губка.

— Ну, здравствуй, девочка! — произнёс густым басом полный господин, обращаясь ко мне. — Иди-ка сюда, дай взглянуть на тебя! Ну-ну, поцелуй дядю. Нечего дичиться. Живо! — шутливым голосом говорил он.

Но я не двигалась с места. Правда, лицо высокого господина было очень похоже на лицо дяди на портрете, но где же остались его золотомшитый мундир, важный вид и ордена, которые были изображены на портрете? Нет, решила я, это не дядя Миша.

Полный господин, видя мою нерешительность, произнёс тихо, обращаясь к даме:

— Она немного дика, Нелли. Уж ты извини. Придётся заняться её воспитанием.

— Благодарю покорно! — отвечала та и сделала недовольную гримаску, отчего вдруг стала ещё более походить на Ниночку. — Мало мне забот со своими! Пойдёт в гимназию, там её и вымуштруют...

— Ну, конечно, конечно, — согласился полный господин. А потом прибавил, обращаясь ко мне: — Здравствуй же, Лена! Что ж ты не подойдёшь ко мне поздороваться! Я твой дядя Мишель.

— Дядя? — неожиданно сорвалось у меня с губ помимо моего желания. — Вы — дядя? А как же мундир и ордена, где же у вас тот мундир и ордена, которые я видела на портрете?

Он сначала не понял, что я у него спрашиваю. Но разобрав, в чём дело, весело и громко рассмеялся своим громким, густым, басистым голосом.

— Так вот оно что, — добродушно произнёс он, — тебе орденов и звезду захотелось? Ну, ордена и звезду я дома не надеваю, девочка. Уж извини, они у меня в комодке лежат до поры до времени... А будешь умницей и скучать у нас не станешь — я тебе их тогда и покажу в награду...

И, наклонившись ко мне, он поднял меня на воздух и крепко поцеловал в обе щеки.

Мне сразу понравился дядя. Он был такой ласковый, добрый, что невольно тянуло к нему. К тому же он доводился родным братом покойной мамочке, и это ещё более сблизило меня с ним. Я готова была уже броситься ему на шею и расцеловать его милое, улыбающееся лицо, как внезапно надо мною раздался неприятный, шипящий голос моего нового неожиданного врага — Матильды Францевны.

— Не очень-то её ласкайте, Herr General (господин генерал), она очень гадкая девочка, — заговорила Матильда Францевна. — Всего только полчаса как у вас в доме, а уже успела надевать много дурного.

И тут же своим противным, шипящим голосом Матильда Францевна пересказала всё то, что случилось до прихода дяди и тёти. Дети подтвердили её слова. И никто из них не сказал, почему всё это так случилось и кто настоящий виновник всех происшедших бед. Во всём оказалась виновата только Лена, одна только Лена...

«Бедная Лена!.. Мамочка, зачем ты покинула меня?»

По мере того как немка рассказывала, всё сумрачнее и печальнее становилось лицо дяди, и тем строже и холоднее смотрели на меня глаза тёти Нелли, его жены. Осколки разбитой вазы и следы на паркете от мокрых калош вместе с растерзанным видом Толи — всё это далеко не говорило в мою пользу. Когда Матильда Францевна кончила, тётя Нелли строго нахмурилась и сказала:

— Ты будешь непременно наказана в следующий раз, если позволишь себе что-либо подобное.

Дядя посмотрел на меня грустными глазами и заметил:

— Твоя мама в детстве была кротка и послушна, Лена. Мне жаль, что ты так мало похожа на неё...

Я готова была заплакать от обиды и горечи, готова была броситься на шею дяде и рассказать ему, что всё это неправда, что меня обидели совершенно незаслуженно и что я далеко не так виновата, как объяснили ему сейчас. Но слёзы душили меня, и я не могла выговорить ни слова. Да и к чему было говорить? Мне бы всё равно не поверили...

Как раз в эту минуту на пороге залы появился лакей в белых перчатках, с салфеткою в руках и доложил, что кушать подано.

— Иди сними с себя верхнюю одежду и вымой руки да пригладь волосы, — приказала мне суровым, строгим голосом тётя Нелли. — Ниночка проводит тебя.

Ниночка с неохотой оторвалась от матери, которая стояла обнявшись со своей любимицей. Сказав мне сухо «пойдёмте», она повела меня куда-то целым рядом светлых, красиво убранных комнат.

В просторной детской, где стояли три совершенно одинаково убранные кровати, она подвела меня к изящному мраморному умывальнику.

Пока я мыла руки и тщательно обтирала их полотенцем, Ниночка разглядывала меня очень

подробно, наклонив немного в сторону свою белокурую головку.

Думая, что она хочет заговорить со мною, но стесняется, я ободряюще улыбнулась ей.

Но она вдруг фыркнула, покраснела и в тот же миг повернулась ко мне спиной.

Я поняла по этому движению девочки, что она сердится на меня за что-то, и решила оставить её в покое.

Глава VI

ГОРБУНЬЯ. — НОВЫЙ ВРАГ

Когда мы вошли в гостиную, над длинным обеденным столом горела люстра, ярко освещая комнату.

Вся семья уже сидела за обедом. Тётя Нелли указала мне место около Матильды Францевны, которая, таким образом, очутилась между мною и Ниночкой, приютившейся около матери. Напротив нас сидели дядя Мишель и оба мальчика.

Подле меня оказался ещё один незанятый прибор. Этот прибор невольно привлёк моё внимание.

«Разве в семье Икониных есть ещё кто-нибудь?» — подумала я.

И как бы в подтверждение моих мыслей дядя взглянул на пустой прибор недовольными глазами и спросил у тёти:

— Опять наказана? Да?

— Должно быть! — пожала та плечами.

Дядя хотел ещё спросить что-то, но не успел, потому что как раз в это время в передней прозвенел такой оглушительный звонок, что тётя Нелли невольно зажала себе уши, а Матильда Францевна на целых пол-аршина подпрыгнула на стуле.

— Отвратительная девчонка! Сколько раз ей сказано не трезвонить так! — произнесла тётя сердитым голосом и обернулась к дверям.

Я посмотрела туда же. На пороге столовой стояла маленькая безобразная фигурка с приподнятыми плечами и длинным бледным лицом. Лицо было такое же безобразное, как и фигурка. Длинный крючковатый нос, тонкие бледные губы, нездоровый цвет кожи и густые чёрные брови на низком, упрямом лбу. Единственно, что было красиво в этом недетски суровом и недобром старообразном личике, — так это одни глаза. Большие, чёрные, умные и пронизательные, они горели, как два драгоценных камня, и сверкали, как звёзды, на худеньком бледном лице.

Когда девочка повернулась немного, я тотчас заметила огромный горб за её плечами.

Бедная, бедная девочка! Так вот почему у неё такое измученное бледное личико, такая жалкая обезображенная фигурка!

Мне стало до слёз жалко её. Покойная мамочка учила меня постоянно любить и жалеть калек, обиженных судьбою. Но, очевидно, никто, кроме меня, не жалел маленькую горбуню. По крайней мере Матильда Францевна окинула её с головы до ног сердитым взглядом и спросила, ехидно поджимая свои синие губы:

— Опять изволили быть наказаны?

А тётя Нелли вскользь взглянула на горбунью и бросила мимоходом:

— Сегодня опять без пирожного. И в последний раз запрещаю тебе так трезвонить. Нечего на ни в чём не повинных вещах показывать свой прелестный характер. Когда-нибудь оборвёшь звонок. Злючка!

Я взглянула на горбунью. Я была уверена, что она покраснеет, смутится, что на глаза её набегут слёзы. Но ничуть не бывало! Она с самым равнодушным видом подошла к матери и поцеловала у неё руку, потом направилась к отцу и чмокнула его кое-как в щёку. С братьями, сестрой и гувернанткой она и не думала здороваться. Меня как бы не заметила совсем.

— Жюли! — обратился к горбатой девочке дядя, как только она уселась на незанятое место по соседству со мною. — Разве ты не видишь, что у нас гостья? Поздоровайся же с Леной. Она твоя кузина.

Маленькая горбунья подняла глаза от тарелки с супом, за который она принялась было с большою жадностью, и посмотрела на меня как-то боком, вскользь.

Господи! Что за глаза это были! Злые, ненавидящие, угрожающие, суровые, как у голодного волчонка, которого затравили охотники... Точно я была её давнишним и злейшим врагом, которого она ненавидела всей душой. Вот что выражали чёрные глаза горбатой девочки...

Когда подали сладкое — что-то красивое, розовое и пышное, в виде башенки, на большом

фарфоровом блюде, — тётя Нелли повернула к лакею своё холодное, красивое лицо и проговорила строго:

— Старшая барышня сегодня без пирожного.

Я взглянула на горбунью. Её глаза загорелись злыми огоньками, и без того бледное лицо побледнело ещё больше.

Матильда Францевна положила мне на тарелку кусочек пышной розовой башенки, но есть сладкое я не могла, потому что в упор на меня с завистью и злобой смотрели два жадных чёрных глаза.

Мне показалось невозможным есть свою порцию, когда моя соседка была лишена сладкого, и я решительно отодвинула от себя тарелку и тихо шепнула, наклонившись в сторону Жюли:

— Не волнуйтесь, пожалуйста, я тоже не буду кушать.

— Отвяжитесь! — буркнула она чуть слышно, но с ещё большим выражением злобы и ненависти в глазах.

Когда обед кончился, все вышли из-за стола. Дядя и тётя тотчас же поехали куда-то, а нас, детей, отправили в классную — огромную комнату подле детской.

Жорж тотчас же исчез куда-то, сказав мимоходом Матильде Францевне, что идёт учить уроки. Жюли последовала его примеру, Нина и Толя затеяли какую-то шумную игру, не обращая никакого внимания на моё присутствие.

— Елена, — услышала я за собою знакомый мне, неприятный голос, — ступай в твою

комнату и разбери свои вещи. Вечером будет поздно. Ты сегодня раньше должна лечь спать, завтра пойдёшь в гимназию.

В гимназию?

Полно, не ослышалась ли я? Меня отдадут в гимназию? Я готова была запрыгать от радости. Хотя мне пришлось всего только два часа провести в семье дяди, но я уже поняла всю тяжесть предстоящей мне жизни в этом большом, холодном доме в обществе сердитой гувернантки и злых двоюродных братьев и сестриц. Немудрено поэтому, что я так обрадовалась известию о поступлении в гимназию, где, наверное, меня не встретят так, как здесь. Ведь там было не две, а может быть, тридцать две девочки-сверстницы, между которыми, конечно, найдутся и хорошие, милые дети, которые не будут меня так обижать, как эта надутая, капризная Ниночка и злая, угрюмая и грубая Жюли. И потом, там, наверное, не будет такой сердитой клетчатой дамы, как Матильда Францевна...

Мне даже на душе веселее как-то стало от этого известия, и я побежала разбирать свои вещи, исполняя приказание гувернантки. Я даже не обратила внимания на брошенное мне вслед замечание Ниночки, обращённое к брату:

— Смотри, смотри, Толя, наша Мокрица — уже не Мокрица больше, а настоящая коза в сарафане.

На что Толя заметил:

— Верно, она в платье своей мамы. Точно мешок!

Стараясь не слушать, что они говорят, я поторопилась уйти от них.

Миновав коридор и какие-то две-три не такие большие и не такие светлые комнаты, из которых одна, должно быть, была спальня, а другая уборная, я вбежала в детскую, в ту самую комнату, куда Ниночка водила меня мыть руки перед обедом.

— Где мой чемоданчик, не можете ли вы сказать? — вежливо обратилась я с вопросом к молодой горничной, стлавшей на ночь постели.

У неё было доброе, румяное лицо, которое приветливо мне улыбалось.

— Нет, нет, барышня, вы не здесь спать будете, — сказала горничная, — у вас комнатка совсем особенная будет; генеральша так приказала.

Я не сразу сообразила, что генеральша — это тётя Нелли, но тем не менее попросила горничную показать мою комнату.

— Третья дверь направо по коридору, в самом конце, — охотно пояснила она, и мне показалось, что глаза девушки с ласкою и грустью остановились на мне, когда она сказала: — Жаль мне вас, барышня, трудно вам у нас будет. Дети у нас злючки, прости господи! — И она сокрушённо вздохнула и махнула рукой.

Я выбежала из спальни с сильно бьющимся сердцем.

Первая... вторая... третья... считала я двери, выходявшие в коридор. Вот она — третья дверь, о которой говорила девушка. Я не без волнения толкаю её... и передо мною маленькая, крошечная комнатка в одно окно. У стены узкая кроватка, простой рукомоийник и комод. Но не это

обратило моё внимание. Посреди комнаты лежал мой раскрытый чемоданчик, а вокруг него на полу валялось моё бельё, платья и всё моё нехитрое имущество, которое так заботливо укладывала Марьюшка, собирая меня в дорогу. А над всеми моими сокровищами сидела горбатая Жюли и бесцеремонно рылась на дне чемоданчика.

Увидев это, я так растерялась, что не могла произнести ни слова в первую минуту. Молча стояла я перед девочкой, не находя, что ей сказать. Потом, сразу оправившись и встряхнувшись, я произнесла дрожащим от волнения голосом:

— И не стыдно вам трогать то, что вам не принадлежит?

— Не твоё дело! — оборвала она меня грубо.

В это время рука её, безостановочно шарившая на дне чемодана, схватила завернутый в бумагу и тщательно перевязанный ленточкой пакетик. Я знала, что это был за пакетик, и со всех ног бросилась к Жюли, стараясь вырвать его из её рук. Но не тут-то было. Горбунья была куда проворнее и быстрее меня. Она высоко подняла руку со свёртком над головой и в один миг вскочила на стол, стоявший посреди комнаты. Тут она быстро развернула свёрток, и в ту же минуту из-под бумаги выглянула старенькая, но красивая коробочка-несессер, которою всегда пользовалась при работе покойная мамочка и которую почти накануне своей смерти подарила мне. Я очень дорожила этим подарком, потому что каждая вещица в этой коробке напоминала мне мою дорогу. Я обращалась так осторожно с коробочкою, точно она была сделана из стекла

и могла разбиться каждую минуту. Потому мне было очень тяжело и больно видеть, как бесцеремонно рылась в нём Жюли, швыряя на пол каждую вещичку из несессера.

— Ножницы... игольник... напёрсток... протыкалочка... — перебирала она, то и дело выбрасывая одну вещь за другою. — Отлично, всё есть... Целое хозяйство... А это что? — И она схватила маленький портрет мамочки, находившийся на дне несессера.

Я тихо вскрикнула и бросилась к ней.

— Послушайте... — зашептала я, вся дрожа от волнения, — ведь это нехорошо... вы не смеете... Это не ваши.. а мои вещи... Нехорошо брать чужое...

— Отвяжись... Не ной!.. — прикрикнула на меня горбунья и вдруг зло, жёстко рассмеялась мне в лицо. — А хорошо от меня отнимать было... а? Что ты скажешь на это? — задыхаясь от злости, прошептала она.

— Отнимать? У вас? Что могу я отнять у вас? — поражённая до глубины души, воскликнула я.

— Ага, не знаешь разве? Скажите, пожалуйста, невинность какая! Так я тебе и поверила! Держи карман шире! Противная, скверная, нищая девчонка! Уж лучше бы ты не приезжала, потому что я жила отдельно, не с противной Нинкой, маминой любимицей, и у меня был свой уголок. А тут... ты приехала, и меня в детскую к Нинке и к Баварии перевели... У-у! Как я ненавижу тебя за это, гадкая, противная! Тебя, и твой несессер, и всё, и всё!